

всей Европы. Очевидно, старыя дипломатическія традиціи совершенно отброшены княземъ Бисмаркомъ; онъ высказывается даже болѣе открыто и безцеремонно, чѣмъ простые парламентскіе дѣятели, не занимающіе никакихъ отвѣтственныхъ постовъ. Въ нѣкоторыхъ излішествахъ его краснорѣчія сказывается, быть можетъ, естественное вліяніе преклоннаго возраста, въ связи съ долгодѣтнею привычкою къ господству и къ исключительному авторитету въ европейскихъ политическихъ дѣлахъ. Но эта особенность послѣднихъ рѣчей князя Бисмарка только усиливаетъ ихъ интересъ въ глазахъ публики, столь рѣдко получающей какія-либо откровенія отъ руководителей международной дипломатіи. Понятно поэтому, что недавнее выступленіе германскаго канцлера въ имперскомъ парламентѣ было какъ бы манною небесною для многочисленныхъ органовъ европейской печати; оно должно было доставить общественному мнѣнію возможность ориентироваться среди разнорѣчивыхъ толковъ, вызванныхъ событіями послѣдняго времени. Отъ канцлера ожидалось объясненіе мотивовъ, побудившихъ германское правительство внести законъ о новомъ усиленіи арміи. Почему и противъ кого потребовалось усилить германскую армію? Не опасается ли Германія вѣроятности союза между Россією и Францією, вооруженія которыхъ приводятся въ объяснительной запискѣ къ законопроекту? Эти и подобные вопросы, на которые предстояло отвѣчать князю Бисмарку, затрогивали самыя основы современнаго политическаго равновѣсія. Общія ожиданія были вполнѣ оправданы дѣйствительнымъ содержаніемъ рѣчей знаменитаго канцлера.

Нужно замѣтить, что рѣчи князя Бисмарка во время трехдневныхъ преній въ парламентѣ далеко не имѣли того зловѣщаго характера, какой придавался имъ въ краткихъ отчетахъ нашихъ газетъ. Полемика съ вождями оппозиціи блистала юморомъ, иногда довольно добродушнымъ; въ заявленіяхъ о внѣшней политикѣ не было замѣтно прежней самоувѣренности и надменности,—напротивъ, чувствовалось сознаніе опасностей, окружающихъ Германію и могущихъ быть устраненными только при помощи упорной мирной работы. Прочная дружба съ Россією, поколебленная одностороннимъ австро-германскимъ союзомъ, признается опять краеугольнымъ камнемъ нѣмецкой политики,—но уже не въ прежнемъ ограничительномъ смыслѣ, выгодномъ лишь для Австро-Венгріи, а въ смыслѣ реального обмѣна услугъ, который одинъ только можетъ служить основою тѣсной политической дружбы между двумя равносильными государствами. Князь Бисмаркъ рѣшительно отказывается отъ дальнѣйшаго содѣйствія наступательному движенію Австріи на востокъ, такъ какъ эта двусмысленная система не встрѣчаетъ уже прежней пассивной довѣрчивости со